

Создание местных органов власти в Дальневосточной республике: декларации и реальность

Татьяна Зиновьевна Позняк,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

Статья посвящена процессу создания нового государства — Дальневосточной республики. Целью работы является анализ проблем, возникших при организации местных органов управления — областных, уездных, волостных. Основным источником материала послужили отчёты областных органов управления, доклады правительственных эмиссаров, посещавших ДВР, и протоколы областных народных собраний за период 1921—1922 гг. Вхождение территорий в состав Дальневосточной республики, создание которой было продекларировано 6 апреля 1920 г., являлось не одномоментным актом, а процессом, растянутым во времени. Вся вертикаль власти ДВР — от правительства до областных, уездных, волостных и сельских органов управления — была сформирована только летом-осенью 1922 г. Однако подчинение уездной и волостной власти вышестоящим инстанциям часто было номинальным: правительство и областные управления контролировали лишь города, сельские же районы некоторых уездов представляли собой самостийные республики. На приисках хозяйничали трудовые артели. В результате исследования делается вывод о том, что организация и функционирование органов власти на местах осложнялись войной и мобилизацией всех ресурсов на содержание армии, тяжелейшим финансово-экономическим кризисом, перманентными реформами, медленной разработкой правительством нормативной базы, отсутствием кадров, разрушением путей сообщения и информационной связи с глубинкой, самоуправством военных и «сепаратизмом» министерств. Самым же болезненным вопросом органов власти в ДВР было отсутствие денег. Вышестоящие инстанции стремились переложить заботу о нуждах населения на местные органы управления, одновременно требуя перевода собранных налогов наверх, — такое неравенство прав и обязанностей вызывало недовольство нижестоящих инстанций.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, народно-революционные комитеты, областные управления, кадры, финансы, реформы, буферное государство, Гражданская война.

**Formation of Local Authorities in the Far Eastern Republic:
Declarations and Reality.**

Tatiana Poznyak, Institute of History, Archaeology and Ethnography, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tzpoznyak@mail.ru.

This paper is devoted to the development of a new state — the Far Eastern Republic. The aim of the research is to analyze the problems which occurred during the organization of local regional, district, volost authorities. The main source of the study was the reports of the regional administrations, government emissaries, who visited the Far Eastern Republic, and the minutes of regional popular assemblies from 1921 to 1922. The entry of the territories into the Far Eastern Republic (FER), which was declared on April 6, 1920, was not an instantaneous act but a long-time process. The entire vertical power of the new republic — from the government to the regional, district, volost and rural authorities — was formed only in the summer and autumn of 1922. However, the subordination of the district and volost authorities to the regions was nominal. The government and regional administrations controlled only cities while the rural areas were independent republics. Labor artels ran the mines. It is concluded that the organization and work of local authorities were complicated due to the war, the mobilization of all resources for the maintenance of the army, the severe financial and economic crisis, permanent reforms, the slow development of the regulatory framework by the government, the lack of personnel, the destruction of communications and data communication with rural areas, military arbitrariness and “separatism” of the ministries. The lack of money was the most painful issue for the authorities in the Far Eastern Republic. Higher authorities sought to shift the care about the needs of people to local administration but simultaneously demanded the collected taxes. Such inequality of rights and duties caused discontent of lower authorities.

Keywords: Far Eastern Republic, people’s revolutionary committees, regional administrations, personnel, finance, reforms, buffer state, Russian Civil War.

История Дальневосточной республики (ДВР) и в советские годы, и в современной России остаётся предметом интенсивного изучения, при этом исследователи в основном сосредоточили своё внимание на анализе политической борьбы в ходе создания буферного государства; особенностей правовой системы; состава правительства [1; 2; 10; 13; 15; 17 и др.]. Несмотря на появление новых современных исследований по теме, главными обобщающими работами по истории буферных государственных образований на территории Дальнего Востока и их законодательства остаются монографии и статьи В.В. Сонины [16; 17], однако и в них мало внимания уделено функционалу министерств, практике управления на местах. За последние годы достигнут прогресс в изучении истории ДВР: появились новые исследования внешней политики, деятельности отдельных министерств и ведомств, например, здравоохранения,

госполитохраны, милиции [4; 6; 8; 10; 11; 12; 14; 15], новый импульс получила дискуссия о характере буферного государства [3; 7; 18], тем не менее малоизученной остаётся деятельность областных управлений по решению проблем строительства нового государства. Политическая история ДВР полна своеобразной «мифологии»: хотя в литературе описаны тяжёлое экономическое положение и неудачи в области денежной политики, сбора налогов, посевной компании, восстановления промышленности [10, с. 454—462], всё же создаётся впечатление о быстрых успехах формирования органов власти в центре и на местах. Это мифотворчество обусловлено, нам кажется, не идеологическими соображениями и не сознательным желанием приукрашивать действительность, а особенностями привлекаемых источников: в большей степени это нормативные документы, пресса, в меньшей — отчёты с мест.

Цель статьи — рассмотреть процесс создания местных (областных, уездных, волостных) органов власти в ДВР по материалам отчётов областных народно-революционных комитетов (облнарревкомов) и управлений, докладов правительственных эмиссаров и ревизоров, посещавших области ДВР, протоколов областных народных собраний и пр.

Образование ДВР было провозглашено на съезде трудящихся Прибайкалья, проходившем с 28 марта по 8 апреля 1920 г. в г. Верхнеудинске (ныне г. Улан-Уде). 6 апреля съезд принял «Декларацию об образовании Дальневосточной республики», где дальневосточные области — Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская и полоса отчуждения КВДЖ — объявлялись независимым демократическим государством [10, с. 375—376].

На практике процесс вхождения областей в ДВР был весьма растянут во времени: даже после формального вхождения в её состав всех областей в ноябре-декабре 1920 г. речь шла скорее о символическом, чем реальном обладании и управлении территорией. Свидетельством этого было, например, поступление отчётов с мест. В 1920 г. таковых не отправлялось вовсе, единичные отчёты начали поступать от облнарревкомов в 1921 г. За период с 15 марта по 15 апреля 1921 г. они пришли в МВД из Приамурской и Прибайкальской области, с 15 апреля по 1 мая — из Амурской и Восточно-Забайкальской области. Начиная с лета 1921 г. и в 1922 г. областные отчёты поступали в МВД, но не всегда вовремя и регулярно. Уездные нарревкомы не посылали отчёты областным управлениям даже осенью 1922 г.

Приморское областное управление за краткий период своего существования в составе ДВР (декабрь 1920 г. — май 1921 г.) не предоставило правительству ни одного отчёта о своей работе [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 1—18 об.; Д. 114. Л. 1—5 об., 20—25 об.; Д. 161. Л. 4—14, 89—101, 115—128; Д. 162. Л. 10—17, 22—47, 58—87].

Как же шёл процесс включения областей в состав ДВР? С апреля по декабрь 1920 г. республика существовала лишь как «Верхнеудинское

правительство», управляющее тремя западными уездами Забайкальской области, из которых в ноябре 1920 г. была образована Прибайкальская область [10, с. 450].

В Амурской области решение о присоединении к ДВР приняли после долгих дебатов на IX Чрезвычайном съезде трудящихся, проходившем с 18 июля по 5 августа 1920 г.; съезд избрал облнарревком в составе 15 чел. Правительство ДВР направило в область своего эмиссара, который должен был служить связующим звеном между центром и регионом [17, с. 87]. До января 1921 г. область существовала самостоятельно, по постановлениям местного облнарревкома, не посылала в центр отчётов и не получала никаких средств [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 237—248].

На части территории Восточного Забайкалья сразу после эвакуации японских войск из г. Нерчинска также начался процесс «объединения вокруг правительства ДВР». На съезде в г. Нерчинске, куда прибыли делегаты от Нерчинского, Нерчинско-Заводского и Читинского уездов, 23 сентября 1920 г. было принято решение о подчинении ДВР и создании нарревкома Восточного Забайкалья из 15 чел. Чита с уездом в него не вошла, поскольку ещё была занята семёновскими войсками. Присоединение всей территории Восточного Забайкалья к ДВР произошло в ноябре 1920 г. В апреле 1921 г. на Учредительном собрании ДВР было принято решение о создании из части Забайкальской области Бурят-Монгольской автономной области [10, с. 398].

После вывода японских войск из Хабаровского и Иманского уездов в конце ноября 1920 г. правительством ДВР было принято решение об исключении их из Приморской области вместе с г. Иманом и Хабаровском. Эти уезды, а также Удский и неоккупированную японцами часть о. Сахалин объединили в Приамурскую область. 12 декабря 1920 г. создали Приамурское областное управление. В декабре 1921 г. большая часть территории области была занята наступавшими войсками Временного Приамурского правительства и освобождена НРА ДВР только весной 1922 г.

5 декабря 1920 г. Временное народное собрание Дальнего Востока во Владивостоке приняло решение о распространении власти правительства Дальневосточной республики на территорию Приморской области до созыва Учредительного собрания, а 12 декабря утвердило образование Приморского областного управления во главе с коммунистом В.Г. Антоновым [9, с. 38—40; 10, с. 408]. Область числилась в составе ДВР полгода до Меркуловского переворота 26 мая 1921 г.

Таким образом, с апреля по конец ноября 1920 г. ДВР существовала, скорее, декларативно, в реальности территория республики охватывала только три уезда Забайкалья. С декабря 1920 г. в её состав вошла большая часть заявленных территорий, кроме южной части о. Сахалин, зоны отчуждения КВЖД и Камчатской области; последняя по договору о границах с ДВР вошла в состав РСФСР. Упоминание о КВЖД в качестве территориальной единицы в Конституции ДВР уже отсутствовало [5, с. 561—562].

Материалы с мест позволяют увидеть, какие органы власти и управления создавались в регионах. В 1920 г. Верхнеудинскому правительству подчинялась лишь западная часть Забайкалья. На момент провозглашения ДВР на территории, вошедшей в её состав, действовали разнообразные органы власти: Советы, земства, городские думы, ревкомы и пр. После включения территорий в ДВР представительными органами власти на местах (от области до сельской единицы) стали собрания уполномоченных, а исполнительными — народно-революционные комитеты (нарревкомы). Они же создавались и в других областях по мере их присоединения к Республике. Одновременно шло формирование министерств и соответствующих отделов областных нарревкомов. В уездах и волостях ввиду невозможности провести выборы ревкомы назначались [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 6—6 об.; Д. 114. Л. 1].

После принятия Конституции 27 апреля 1921 г. в ДВР началась административная реформа — организация и проведение выборов в собрания уполномоченных и преобразование народно-революционных комитетов в областные, уездные, волостные и сельские управления. Основой её стало утверждённое правительством 29 ноября 1920 г. временное Положение о местных органах народной власти Дальневосточной республики. Процесс замены ревкомов на управления затянулся и происходил в разных областях разновременно [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 1—40; Д. 114. Л. 20]. Параллельно шёл процесс реформирования: в центре — новых министерств уже «центрального правительства» в Чите, а на местах — соответствующих отделов в составе областных управлений. Подчинение правительству областной власти началось с весны 1921 г. и продолжалось в течение всего года, построение же всей «вертикали власти» до низового сельского уровня растянулось на более длительный срок [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 1—18 об., 28—30; Д. 162. Л. 10—12].

На материалах каждой области попробуем проследить, что же препятствовало быстрой организации власти на местах, с какими проблемами это было связано.

Оценка работы Амурского облнарревкома, созданного в августе 1920 г., содержится в докладах его председателя Я.Ф. Яковлева, представителей народного контроля Амурскому областному собранию уполномоченных, проходившему в конце августа — начале сентября 1921 г. В них, наряду с констатацией колоссальной работы по организации власти, сбору налогов, снабжению армии и населения продовольствием, представлена картина огромного количества недоработок, упущений и даже преступлений, совершённых ответственными работниками. За 1920 г. Финансово-экономический совет и финансовый отдел облнарревкома непродуктивно и с нарушениями растратили огромную сумму — 13,5 млн золотых руб. — на обмундирование и снабжение армии. «Финансово-экономический совет оказался также несостоятельным в деле ведения промышленных предприятий, не давших никакой прибыли, а даже наоборот — дали убыток»

[РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 239]. Не справлялся с возложенными на него задачами и отдел снабжения и продовольствия. Работа облнарревкома осложнялась отсутствием кадров: к лету 1921 г. в нём оставалось 6 работающих членов [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 237—242]. Он слабо контролировал нижестоящие уровни власти: весной 1921 г. из пяти административных районов области два не функционировали совершенно, выборного управления не существовало, и вместо него были назначены районные уполномоченные, «вся работа волостных объединений... сводилась к закреплению политической власти на местах», при этом связь с местами была «крайне слаба» и, несмотря на все напоминания, ни уездные, ни городские нарревкомы не предоставляли областному отчётов о своей деятельности [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 4—4 об.].

Амурское областное управление было избрано 1-й сессией Амурского областного собрания уполномоченных 7 сентября 1921 г., в него вошло 8 чел. от крестьянской фракции, 2 — от коммунистов и 1 — от социал-демократов¹, председателем избрали В.Т. Косицына [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 254—255 об.]. В его составе были сформированы следующие отделы: административный, ветеринарный, хозяйственно-промышленный, земельный, лесной, финансовый, народного образования, здравоохранения, юстиции, труда, национальных меньшинств; «бухгалтерия и отдел социального обеспечения свёрнуты в подотделы и введены в состав административного отдела». Вновь созданным был только хозяйственно-промышленный отдел, сотрудники других перешли из бывших отделов нарревкома. Аппарат областного управления был «сконструирован с минимальным штатом применительно к весьма ограниченному бюджету» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 10—10 об.; Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 109].

Как отмечалось в областном отчёте от 27 мая 1922 г., формирование и деятельность органов власти на местах осложнялись отсутствием «положений, точно регламентирующих права и обязанности управления, а также взаимоотношения с учреждениями, не подчинёнными непосредственно Облуправлению и централизованными в соответствующих министерствах». Это же явилось одной из причин невозможности приступить к выборам уездных и волостных управлений, реорганизация «задерживалась несвоевременным получением из центра полного кодекса законов о выборах в местные органы управления», но главным было наступление «приморских белобандитов» и связанные «с этим различные неотложные боевые задания, как то: проведение мобилизации, снабжение фронта, продналоговая, а затем и посевная кампании и другие неотложные задачи, от успешного разрешения которых зависел успех на фронте, а вместе с тем и безопасность республики» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 11].

¹ По данным отчёта областного управления от 27 мая 1922 г. — 6 коммунистов и сочувствующих, 4 беспартийных и 2 социал-демократа [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 10].

Поскольку выборы в уездные и волостные управления не были проведены, областные власти назначили временные уездные управления из трёх человек, возложив на них организацию сельских комитетов, проведение выборов в волостные собрания и создание волостных управлений. Указанные выборы смогли провести только в августе-сентябре 1922 г. В отчёте областного управления за сентябрь подчёркивалось, что лишь 70% избирательных комиссий провели выборы в сельские комитеты без нарушений [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 11 об., 84—84 об.]. Таким образом, завершение строительства всей «вертикали власти» в Амурской области состоялось только осенью 1922 г., незадолго до ликвидации ДВР и вхождения дальневосточных областей в состав РСФСР.

В месячных областных отчётах за 1921 и 1922 гг., кроме организационной работы, детально описана деятельность всех отделов, трудности, с которыми они сталкивались, приведены цифровые данные, свидетельствующие об упорной и самоотверженной работе областной власти по формированию аппарата управления, поддержанию хотя бы на минимальном уровне активности организаций здравоохранения, ветеринарии, народного образования, промышленности, снабжения населения продовольствием, сбора налогов, проведения посевной кампании [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 12—13 об., 28—29, 85—92].

В докладе заведующего информационным отделом Амурского управления председателю Совета министров, составленном предположительно в июне-июле 1922 г., главным препятствием «быстрому проведению в жизнь мероприятий и распоряжений правительства и центральных органов» называлось «отсутствие средств как у мест, так и у центра», а также законов, где были бы прописаны бюджетные права областных управлений, указывалось на необходимость их расширения и установления дополнительных налогов на местные нужды [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 109 об.].

В 1920 г. Амурская область существовала в основном за счёт денег и золота в местном отделении Госбанка, часть которого принадлежала Временному правительству Дальнего Востока — Приморской областной земской управе (ВПДВ ПОЗУ) и была передана правительству Амурской области на сохранение накануне выступления японцев в Приморской области в апреле 1920 г. Эти золотые запасы расходовались незаконно [14, с. 105—107]. Всего было потрачено за 1920 г. около 13 тыс. пудов золота, причём большая часть пошла на вооружение и обмундирование армии, часть — на продовольствие для населения, а неустановленная часть — разворована [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 237—241].

В 1921 г. финансирование из центра поступило только на «хлебофуражные заготовки» для армии (255 тыс. руб.) и некоторое количество товара для товарообмена с деревней [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 17. Л. 7], все остальные потребности область покрывала за счёт собственных средств. В 1921—1922 гг. из областного бюджета выдавался продовольственный паёк или выплачивалась зарплата рабочим государственных

предприятий, служащим центрального аппарата области. Работники же здравоохранения и ветеринарии на местах (в сёлах и городах) получали содержание от местных самоуправлений, учителя в школах — «за счёт средств родительских организаций». Служащие отдела национальных меньшинств получали содержание из министерства. Областные отделы министерств — земельный, лесной, финансовый, юстиции, труда — были переведены на коммерческую основу. Правительство не направляло средств отделу социального обеспечения на содержание инвалидов, детей-сирот, на выплаты пособий инвалидам войны, а также жёнам и семьям народоармейцев, а областной бюджет был не способен нести эти расходы самостоятельно [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 162. Л. 10 об.—14 об.].

Прибайкальский облнарревком, члены которого вошли в областной нарревком, был избран 6 ноября 1920 г. на заседании Совета министров ДВР (Верхнеудинского правительства), а уже 5 февраля 1921 г. весь его состав, кроме председателя В. Добронравова, переизбрали в связи с выбытием большей части членов из-за болезней и для участия в Учредительном собрании ДВР [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—1 об., 4—4 об.].

Уездные и городские нарревкомы в Прибайкалье были образованы в июле-августе и октябре 1920 г. ещё в период действия Верхнеудинского правительства, а с преобразованием его в облнарревком перешли в подчинение последнего. В 1920 г. уездные нарревкомы столкнулись с такими проблемами, как разрушение аппарата управления, отсутствие кадров и финансов, эпидемия брюшного и сыпного тифа, чума рогатого скота, бандитизм и преступность, «переобременённость» населения подводной повинностью, дезертирство, неудача в выполнении продразвёрстки, угроза продовольственного и топливного голода и др. [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—30].

Весьма жёсткую оценку деятельности нарревкома дал председатель Прибайкальского областного управления И.Ф. Фёдоров в докладе министру внутренних дел в начале февраля 1922 г.: «Приняв дела от старого состава Облнарревкома и приступив к исполнению своих обязанностей, застал очень печальную картину. Работы... велись крайне бессистемно, без определённого намеченного плана, тесной связи как с местами, так и центром не было, распоряжения центральной власти получались с громадным запозданием, в силу чего теряли своё первоначальное значение. Отделы Облнарревкома, сносясь непосредственно с центром и получая от последнего распоряжения, проводили таковые в жизнь, не согласовывая их с Облнарревкомом, таким образом в работах Облнарревкома и его отделов получался полнейший разнобой» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 27].

Прибайкальское областное управление было избрано областным народным собранием 6 октября 1921 г., в его состав вошло 9 чел., на выборах большинство прошло по спискам революционного крестьянства и революционных партизан разных волостей и уездов, один — по списку

областного комитета РКПБ и подрайпрофсовета [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—24, 68—69]. Аппарат областного управления был сформирован только к весне 1922 г. и состоял из девяти отделов: общего, административного, земельного, ветеринарного, промышленного, юстиции, здравоохранения, народного просвещения, труда и социального обеспечения. Последний в апреле 1922 г. был упразднён и вошёл в качестве подотдела в административный отдел.

Однако в сравнении с ревкомом положение мало изменилось. Судя по материалам доклада о пребывании в Прибайкальской области с 10 января по 10 апреля товарища министра внутренних дел М.Д. Иванова и сотрудника особых поручений И.С. Тяжелова, некоторые из этих отделов лишь только номинально числились при Областном управлении, координации их работы было совершенно не заметно. Каждый отдел вёл свою работу самостоятельно: связывался с министерствами и местами непосредственно, издавал даже обязательные постановления. В работу управления вмешивался не только областной эmissар, но и «подрайпрофсовет» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 44—44 об.].

Попытка областного управления организовать выборы уездных, волостных и сельских управлений весной 1922 г. не увенчалась успехом: «работа совершенно остановилась за отсутствием средств. Нет возможности заказать избирательные записки и бланки для удостоверений, в районных и участковых комиссиях нет бумаги и канцелярских принадлежностей, не говоря уже о том, что нечем заплатить техническим сотрудникам, которые ведут работу по выборам». Весной выборы провели только в Верхнеудинске, благодаря наличию собственных средств, в остальных волостях они прошли только летом-осенью 1922 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 32 об.—33].

Областной власти за 1921 и 1922 г. не удалось также наладить работу подчинённых нарревкомов. В докладе областного эmissара весной 1921 г. подчёркивалось: «нельзя указать ни одного такого нарревкома, который бы чувствовал за собою хоть немного государственных обязанностей, считал бы себя частью государственно-народной власти» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 6—6 об.; Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 28 об.]. В областном отчёте за июль 1922 г. уездные органы власти обвинялись в полной невосприимчивости к указаниям вышестоящих инстанций, «...ибо в самой структуре и в основе работ нарревкомов был заложен фундамент революционно-партизанского индивидуализма...» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 121 об.].

Судя по докладу М.Д. Иванова и И.С. Тяжелова, власть ДВР и весной 1922 г. простиралась не дальше областного центра и отчасти уездных городов. В уездах и волостях не изжили своеобразной революционной вольницы: «Население привыкло не уважать власть, точнее не чувствовать её, и 1921 год, год строительства в центре, когда власти было не до мест, также не оказал в этом отношении влияния на Прибайкалье. Население

жаждет порядка, жаждет власти, оно устало от безвластия, но по своей косности не может само начать строительство снизу и, хотя иногда и пытается, но в своих начинаниях доходит до административных анекдотов и абсурдов» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 43—44]. По их словам, высшей властью являлись «не областное и уездное управления, а районные съезды, собираемые или по инициативе одной волости, или членов Нарсоба фракции меньшинства, а за последнее время Облуправлением и Унарревкома. Одним из самых злостных съездов должен был бы быть Мухоршибирский, созываемый в начале настоящего года для вынесения отказа давать продналог и людей по мобилизации. Съезд не состоялся, часть инициаторов его во главе с Потёмкиным была арестована» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 50—51].

Большинство волостных и сельских нарревкомов возглавляли неграмотные или малограмотные лица, обычной практикой было исполнение обязанностей по очереди — по неделе или месяцу каждым членом ревкома, отделы образованы не были, канцелярской работы никакой не велось, отчёты не составлялись и не посылались в вышестоящие инстанции, постановления и распоряжения центра либо отсутствовали, либо оставались не прочитанными по причине неграмотности служащих [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 49—52]. Отчёт М.Д. Иванова и И.С. Тяжелова содержит множество сходных оценок уездных и волостных нарревкомов. В качестве примера можно привести характеристику Мало-Кударинской волости: «Сплошной административный анекдот: председатель, член и секретарь волнарревкома все неграмотные, отбывающие свои обязанности по одному месяцу поочередно. Секретарём, до последнего — неграмотного, был малограмотный дезертир, укрываемый волостью от военной службы за даровую работу. Вся канцелярия состоит из входящего и исходящего журналов за прошлый год, в котором ничего прочитать нельзя; чернил нет, бумаги нет, нет ни одного карандаша. При беседе выяснилось, что никто в волнарревкоме не знает даже, что такое „Основной закон“, о другом и говорить не приходится» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 66].

Председатель областного управления И.Ф. Фёдоров главными препятствиями в работе называл отсутствие финансов и реакции центра на обращение областной власти. Распоряжения и постановления правительства в области получали редко и с большим опозданием, «...все постановления Облнарсобрания до проведения их в жизнь были высланы для утверждения в центр, последний же до настоящего времени даже не сообщил Облуправлению своего заключения по постановлениям». Никакого ответа не было получено от правительства и на просьбы об установлении «50% отчисления в пользу Областного управления со всех золотоносных площадей области» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 28—29].

Главными проблемами Прибайкальской области в 1921—1922 гг. оставались «переобременённость населения подводной повинностью», неудача

со сбором продналога и, как результат, нехватка денежных средств, продовольствия, топлива, постоянные конфликты между русским и бурятским населением из-за земли, провал посевной кампании, реквизиция военными продовольствия и фуража у населения, бандитизм, незаконные действия милиции, госполитохраны и пр. Из-за отсутствия финансов тяжелейшее положение складывалось в образовательных и медицинских учреждениях, тюрьмах и проч. Штат отдела социального обеспечения был сокращён до минимума, помощь призреваемым не оказывалась «совершенно»². Средств на выдачу заработной платы учителям в облуправлении «не имелось совершенно». «Сельское учительство влачило жалкое существование и было в полной зависимости от населения», школы нуждались в ремонте. Областные власти переложили содержание сельского учительства на уездные, волостные и сельские нарревкомы, издав циркуляр об удовлетворении учителей товаро-продуктами на сумму 20 руб. золотом в счёт 50% отчисления областному управлению из сбора денежно-натурального налога [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об.]. Столь же плачевным было финансовое положение остальных служащих. Нормальному осуществлению судопроизводства препятствовало отсутствие денег на разъезды следователей и судей.

Несмотря на катастрофическое финансовое состояние области и регулярные задержки заработной платы, сотрудники многих учреждений в силу добросовестного отношения к работе продолжали исполнять свои обязанности. Ветеринары области обслуживали скотобойни, карантинные и смотровые пункты, делали животным комбинационные прививки. Им удалось к 1 декабря 1921 г. справиться с чумой рогатого скота, распространявшейся с 1 октября по 17 населённым пунктам. В области функционировали областной и 3 уездных отдела здравоохранения, 15 врачебных участков, 3 городские больницы на 50 кроватей каждая, 41 фельдшерско-акушерский пункт, заразная больница на 100 кроватей, 2 заразных барака на 50 кроватей каждый, 5 амбулаторий, 3 дезинфекционных отдела, анатомический покой, областной аптечный склад, 7 аптек, 3 эпидемических отряда, приют-ясли на 25 кроватей. Земельный отдел областного управления выдал 175 ходаческих и 45 переселенческих свидетельств. Им же взималась плата за аренду казённых земель, использование рыболовных и охотничьих участков, велась борьба с лесными пожарами. Областной отдел продовольствия занимался заготовкой товаро-продуктов

² Такое положение составляло разительный контраст с ситуацией в 1920 г., когда со 2 июня по 15 декабря Министерство социального обеспечения ДВР (Верхнеудинского правительства), используя продовольствие и денежные средства, оставшиеся в Верхнеудинске, оказало помощь политически амнистированным, беженцам, семьям народоармейцев, солдатам-инвалидам, организовало ясли, дома матери и ребёнка, израсходовав на эти цели 40 млн 968 тыс. буферных руб. [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 56. Л. 24—24 об.].

и распределением их среди рабочих и служащих государственных учреждений, а также сбором, учётом и вывозом пушнины и сырья [РГИА ДВ. Ф.Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 29—36].

Сходное положение складывалось и в Забайкальской (Восточно-Забайкальской) области, несмотря на близость к правительственным учреждениям в Чите. 23 сентября 1920 г. было принято решение о подчинении ДВР и создании нарревкома Восточного Забайкалья из 15 чел. Присоединение остальной территории восточного Забайкалья к ДВР произошло в ноябре 1920 г. На областном собрании уполномоченных Забайкальской области, проходившем в Чите с 1 по 16 августа 1921 г., 14 августа было создано областное управление в составе 11 отделов (административного, земельного, финансового, промышленного, статистического, продовольствия и торговли, социального обеспечения и труда, народного просвещения, ветеринарии, юстиции, здравоохранения), которое определило круг их деятельности. 16 августа избрали 11 членов областного управления: все представители фракции крестьян и рабочих. Фракции эсеров и социал-демократов (меньшевиков) не выдвигали своих кандидатов. Председателем облнарревкома был А. Блинников, он же был избран и председателем областного управления [РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 63, 136 об., 137, 137 а, б, 138].

Председатель Забайкальского облуправления в сентябре 1921 г. отметил недочёты в работе предшествующих органов власти: «Облнарревком представлял из себя аппарат, далеко не отвечающий требованиям конституции и совершенно не спаянный. Отделы только числились отделами Управления, но часто жили своей самостоятельной жизнью и являлись только придатками Министерств. Заведующие отделами часто смещались и назначались без ведома управления. И вот потому перед управлением стояла задача наладить этот аппарат, сделать его гибким, не громоздким и работоспособным» [РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 1].

Отделы областного управления, кроме статистического и продовольственного, были сформированы к концу сентября 1921 г., штаты существенно сокращены, но из-за нехватки финансов и подходящих кадров остались незаполненными. Аппарат управления страдал теми же недостатками, что и в других областях: большая часть отделов игнорировала распоряжения областного управления и подчинялась непосредственно министерствам, другие, «предоставленные сами себе», почти не работали, как например, финансовый, названный в докладе «самым мёртвым бюрократическим аппаратом». Единственным же «налаженным» был отдел народного образования [РГИА ДВ. Ф.Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 1—5 об.].

В период деятельности облнарревкома вся работа по организации органов власти на местах проводилась силами инструкторов. Инструкторский подотдел в предвыборную кампанию в Учредительное собрание разослал по области для информирования населения и организации власти на местах до 60 сотрудников, «состав их в подавляющем большинстве был

от Военпура³, трое штатных и 7 из числа Облнарревкома». После Учредительного собрания положение с кадрами изменилось в худшую сторону. Отсутствие работников заведующий инструкторско-информационным подотделом Восточно-Забайкальского облнарревкома в докладе Областному народному собранию уполномоченных объяснял просто: «...не было средств на вознаграждение за труд, добровольно и на голодный желудок, конечно, никто не хочет работать, а милитаризация в нашем буфере оказалась неприемлемой». Инструкторский подотдел старался исправить ситуацию: давал «попутные поручения» представителям политотделов армии и «порезервов», отправлявшихся для работы в деревне, они их выполняли «без всякого вознаграждения» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 11—11 об.]

В некоторых местах содержание низовых органов управления возложили на население, и там, где служащие получали содержание натурой, их положение было лучше. Например, в областном отчёте за период с 15 апреля по 1 мая 1921 г. говорилось: «Экономическое положение служащих и должностных лиц в Облуправлении крайне тяжёлое. Зато в местных органах управления положение служащих и должностных лиц безусловно хорошее. Все выборные и вольнонаёмные получают от 20 до 50 и свыше пудов хлеба и пайковое довольствие... Хотя это и противоречит временным положениям о местных органах власти, Облуправление не считает возможным устранить подобный способ оплаты, не желая вызвать осложнений на местах» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 2 об.—3]. Забайкальская областная власть столкнулась в своей работе с теми же проблемами, что и остальные территории.

Самая сложная политическая обстановка складывалась в прифронтовой Приамурской области. Большинство отделов Приамурского областного нарревкома, образованного в декабре 1920 г., согласно отчётам, в марте-апреле 1921 г. находились в процессе организации, в них не хватало работников. На уездном уровне дело обстояло ещё хуже: в Иманском уезднарревкоме функционировал лишь административный отдел, в Хабаровском работа во всех отделах велась «слабо». «Все наши инструкции и распоряжения имеются на месте. Хотя Иманский уезд и снабжается литературой, но она не доходит до населения и идёт „чуть ли не на раскурку“». В северных же уездах из-за отсутствия сообщения с областным центром в зимнее и весеннее время положение с кадрами было и вовсе катастрофическим: «Удский уезднарревком сидит совершенно без людей. В данный момент даже не представляется возможным посылать туда людей, так как нет сообщения до летнего времени... Информация посылалась аккуратно. Теперь только по телеграфу сообщаются важные известия из агентства „Дальта“. Амгуно-Кербинский район обставлен в отношении работников хуже всего — увы в уезднарревкоме только три человека

³ Речь в источнике, видимо, идёт о Главном военно-политическом управлении Народно-революционной армии и флота ДВР.

и организовать какие бы то ни было отделы представляется абсолютно невозможным. Информация посылается по телеграфу в Керби, почтового сообщения нет. Волостные и сельские комитеты существуют по всей области» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 7—7 об.].

Летом-осенью 1921 г. области грозил голод. В конце августа 1921 г. делегат от Приамурского народного собрания Камсков обратился за помощью к Амурскому областному собранию. Он указал, что отсутствие хлеба, валюты и «контр-валютного товара» «...может повести к тому, что армия может бросить в силу голода хорошо укрепленные позиции, и представится полная возможность вторжения на территорию Приамурья семёнкаппелевцев и меркуловцев». Однако Амурской области из-за небывалой засухи не хватало продовольствия для своего населения, служащие не получали продовольственного пайка в полном объёме несколько месяцев. Амурское областное собрание пообещало напрячь все силы для снабжения НРА, оно также предоставило право Приамурскому Управснабпроду вести заготовки хлеба в Амурской области в районе действия Поярковского и Константиновского приёмных пунктов с условием в первую очередь удовлетворять нужды армии в размере месячной нормы [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 114. Л. 249—251]. Поздней осенью 1921 г. началось наступление белоповстанческой армии Временного Приамурского правительства, НРА вынуждена была оставить Хабаровск, отступить в Амурскую область и только весной 1922 г. вновь заняла утраченные районы.

Таким образом, вхождение в состав ДВР и подчинение заявленной в декларации от 6 апреля 1920 г. территории было не одномоментным актом, а процессом, растянутым во времени. Создание органов власти и управления началось в 1920 г. и продолжалось в течение 1921—1922 гг. Вся вертикаль власти в ДВР — от правительства до областных, уездных, волостных и сельских органов управления — была сформирована только летом-осенью 1922 г., фактически незадолго до ликвидации республики, а подчинение уездных и волостных органов власти областным было по большей части номинальным.

Несмотря на ряд деклараций о включении в ДВР всех дальневосточных территорий, речь шла скорее о символическом присвоении земель, чем о реальном обладании и управлении ими. Власть правительства и областных управлений часто распространялась лишь на городские центры, сельские же территории были предоставлены сами себе и управлялись сельскими сходами и избираемыми на них лицами. Наиболее показательными примерами являлись Шеродайская, Бичуринская и Мухоршибирская волости Прибайкальской области [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 50—54]. Такая же ситуация наблюдалась и в приисковых районах всех областей ДВР. Прииски управлялись «трудовыми артелями», которые выбирали себе профсоюзных лидеров, напомиравших скорее вожаков бандформирований. Эти коллективы занимались хищнической разработкой приисков, требовали от области или правительства продовольствие

и товары, при этом не только не сдавали государству добытое золото, но и не платили налогов, арендной платы, не признавали областной власти и даже профсоюза горняков. Ярким примером подобных трудовых коллективов была «Красная артель» на прииске «Золотая гора» в Зейском округе Амурской области [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об., 104 об.—105].

Перманентные реформы в ДВР на всех уровнях власти и во всех ведомствах привели к тому, что большую часть времени занимала организационная работа. Продуктивному функционированию областных и уездных управлений мешали многократные изменения законов, замена одних инструкций новыми во всех сферах деятельности, отсутствие чёткого разграничения прав и обязанностей органов власти, отсутствие кадров, постоянная и систематическая недодача продпайка, отсутствие связи местных управлений с центром, самоуправство военных, госполитохраны и милиции, «сепаратизм» министерств и их отделов и др.

Самым же больным вопросом центральных и местных органов власти ДВР являлось отсутствие финансов, при этом общей тенденцией был своеобразный «эгоизм» в центре и на местах. Все требовали денег от правительства, но последнее отвечало отказом, ссылаясь на полное их отсутствие, при этом перекладывая на областные власти не только заботу о местном населении, но и снабжение армии, обеспечение потребностей центра. Областное руководство в свою очередь стремилось передать заботу о местных нуждах уездным и городским властям, одновременно требуя перевода собранных налогов наверх. В результате на всех уровнях местной власти не хватало ресурсов для регулярной выплаты заработной платы служащим, на содержание учреждений образования, здравоохранения, социального обеспечения [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 44]. Ведение войны требовало колоссального напряжения трудовых и материальных ресурсов всех областей ДВР, отвлекало силы и средства от восстановления экономики и социальной сферы, от обеспечения нормального функционирования органов власти.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920—1922 гг.). Хабаровск, 1957. 64 с.
2. Авдошкина О.В. Образование дальневосточного буфера и тактика политических партий и организаций // Вестник ХГАЭП. 2010. № 3 (48). С. 67—78.
3. Балицкий А.В., Ципкин Ю.Н. К вопросу о политическом строе Дальневосточной республики // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 29—37.
4. Батоев С.Д. Особенности формирования основ системы здравоохранения в Забайкалье в период Дальневосточной Республики // История медицины. 2018. Т. 5. № 3. С. 207—216.
5. Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Сб. док. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1955. 831 с.

6. Буяков А.М. Структура и руководящий состав Государственной политической охраны ДВР 1920—1921 гг. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 2007. Т. 10. С. 173—195.
7. Василевский В.И. К вопросу о парламентаризме в ДВР // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 48—54.
8. Гладких А.А. Органы государственной политической охраны Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2008. № 1 (59). С. 32—42.
9. Дальневосточная республика: становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 г. — ноябрь 1922 г.): документы и материалы. В 2 ч. Владивосток: Дальнаука, 1993. Ч. 2. 328 с.
10. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
11. Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920—1922 гг.). Хабаровск, 2008. 258 с.
12. Орнацкая Т.А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2016. № 2 (47). С. 39—47.
13. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М.: Изд-во МГУ, 1957. 222 с.
14. Позняк Т.З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914—1922): очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2018. 712 с.
15. Сердюк М.Б., Чепик М.В. Органы безопасности Дальневосточной республики (1920—1922 гг.): исторический опыт становления кадрового состава // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 158—164.
16. Сонин В.В. Дальневосточная республика на пути к демократическому правовому государству (1920—1922 гг.) // Из истории Дальневосточной республики. Владивосток, 1992. С. 37—48.
17. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1990. 352 с.
18. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск, 1999. Вып. 1. С. 119—146.
19. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Avdeeva N.A. *Dal'nevostochnaya narodnaya respublika (1920—1922 gg.)* [The Far Eastern People's Republic (1920—1922)]. Khabarovsk, 1957, 64 p. (In Russ.)
2. Avdoshkina O.V. *Obrazovanie dal'nevostochnogo bufera i taktika politicheskikh partiy i organizatsiy* [The Formation of the Far Eastern Buffer and Tactics of Political Parties and Organizations]. *Vestnik KhGAEP*, 2010, no. 3 (48), pp. 67—78. (In Russ.)
3. Balitskiy A.V., Tsipkin Yu.N. *K voprosu o politicheskom stroe Dal'nevostochnoy respubliki* [On the Question of the Political System of the Far Eastern Republic]. *Iz istorii Dal'nevostochnoy respubliki*. Sb. nauch. tr. [From the History of the Far Eastern Republic. Proceedings]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 29—37. (In Russ.)
4. Batoev S.D. *Osobennosti formirovaniya osnov sistemy zdravookhraneniya v Zabaykal'e v period Dal'nevostochnoy Respubliki* [Features of the Formation of the Foundations of the Health Care System in Transbaikalia during the Far Eastern Republic]. *Istoriya meditsiny*, 2018, vol. 5, no. 3, pp. 207—216. (In Russ.)
5. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Primor'e (1917—1922 gg.)*. *Sb. dok.* [The Struggle for the Power of the Soviets in Primorye (1917—1922). Collection of Documents]. Vladivostok, Prim. kn. izd-vo Publ., 1955, 831 p. (In Russ.)

6. Buyakov A.M. *Struktura i rukovodyashchiy sostav Gosudarstvennoy politicheskoy okhrany DVR 1920—1921 gg.* [The Structure and Leadership of the State Political Security of the Far Eastern Republic (1920—1921)]. *Izvestiya RGIA DV*, vol. 10, Vladivostok, 2007, pp. 173—195. (In Russ.)
7. Vasilevskiy V.I. *K voprosu o parlamentarizme v DVR* [On the Issue of Parliamentarism in the Far Eastern Republic]. *Iz istorii Dal'nevostochnoy respubliki. Sb. nauch. tr.* [From the History of the Far Eastern Republic. Proceedings]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 48—54. (In Russ.)
8. Gladkikh A.A. *Organy gosudarstvennoy politicheskoy okhrany Dal'nevostochnoy respubliki* [Bodies of State Political Security of the Far Eastern Republic]. *Rossiya i ATR*, 2008, no. 1 (59), pp. 32—42. (In Russ.)
9. *Dal'nevostochnaya respublika: stanovlenie. Bor'ba s interventsiey (fevral' 1920 g. — noyabr' 1922 g.): dokumenty i materialy. V 2 ch.* [Far Eastern Republic: Formation. The Fight against Intervention (February 1920 — November 1922): Documents and Materials. In 2 Parts]. Vladivostok, 1993, part 2, 328 p. (In Russ.)
10. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsii 1917 g. i grazhdanskoj vojny* [The History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (In Russ.)
11. Ornatskaya T.A. *Vneshnyaya politika Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922 gg.)* [Foreign Policy of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Khabarovsk, 2008, 258 p. (In Russ.)
12. Ornatskaya T.A. *Narodnaya militsiya Dal'nevostochnoy respubliki: komplektovanie i podgotovka kadrov* [Soviet People's Police of the Far Eastern Republic: Recruitment and Training of Specialists]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. Astrakhan', 2016, no. 2 (47), pp. 39—47. (In Russ.)
13. Papin L.M. *Krakh kolchakovshchiny i obrazovanie Dal'nevostochnoy respubliki* [The Collapse of the Kolchak Movement and the Formation of the Far Eastern Republic]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1957, 222 p. (In Russ.)
14. Poznyak T.Z. *Povsednevnyaya zhizn' Vladivostoka ot Pervoy mirovoj do Grazhdanskoj vojny (1914—1922): ocherki istorii* [The Everyday Life of Vladivostok from the First World War to the Civil War (1914—1922): Historical Essays]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 712 p. (In Russ.)
15. Serdyuk M.B., Chepik M.V. *Organy bezopasnosti Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922 gg.): istoricheskiy opyt stanovleniya kadrovogo sostava* [Security Agencies of the Far Eastern Republic (1920—1922): Historical Experience in the Formation of Personnel]. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2017, no. 4 (13), pp. 158—164. (In Russ.)
16. Sonin V.V. *Dal'nevostochnaya respublika na puti k demokraticheskomu pravovomu gosudarstvu (1920—1922 gg.)* [The Far Eastern Republic on the Way to a Democratic Constitutional State (1920—1922)]. *Iz istorii Dal'nevostochnoy respubliki* [From the History of the Far Eastern Republic. Proceedings]. Vladivostok, 1992, pp. 37—48. (In Russ.)
17. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922)* [The Formation of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1990, 352 p. (In Russ.)
18. Tsipkin Yu.N. *Dal'nevostochnaya respublika: opyt demokraticheskoy al'ternativy* [The Far Eastern Republic: Experience of a Democratic Alternative]. *Iz istorii Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke (1918—1922 gg.)* [From the History of the Civil War in the Far East (1918—1922)]. Khabarovsk, 1999, iss. 1, pp. 119—146. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 16.03.2020